

Темнова Лариса Витальевна

доктор психологических наук,
профессор кафедры современной социологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Тезина Елена Игоревна

магистр социологии, переводчик
ООО «Центральная переводческая компания»

КИДАЛТИНГ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Аннотация:

В статье анализируются социальные факторы появления кидалтинга: трансформация института семьи, снижение значимости традиционной системы высшего образования, изменение роли и характера влияния религии, глобальная геймификация общества, потребительское поведение как способ обозначения своего социального статуса, массовизация и медиатизация индивида и его повседневных практик, популяризация и легитимация идеи внутреннего ребенка среди взрослых. Выявлены отличия кидалтинга от социального инфантилизма. Описывается психосоциотип кидалта, основными чертами которого являются сниженный уровень ответственности за принимаемые жизненные решения; сложности в осуществлении выбора в системе ценностей, в определении приоритетов собственной жизнедеятельности; низкая рефлексия социальной реальности; процесс идентификации происходит на основе отождествления себя с более молодыми возрастными группами, ассоциирования себя с ними; одним из ведущих механизмов социализации становится механизм «жизнь через игру». Выделяются социальные риски кидалтинга.

Ключевые слова:

кидалтинг, инфантилизм, ювенилизация, геймификация, пуэрилизм, массовизация, медиатизация.

Temnova Larisa Vitalyevna

D.Phil. in Psychology,
Professor, Modern Sociology Subdepartment,
Lomonosov Moscow State University

Tezina Elena Igorevna

Master of Sociology, Translator,
Central Translation Company LLC

KIDULTING AS A SOCIAL PHENOMENON

Summary:

The study analyzes such social factors behind kidulting as the transformation of the family institution, de-emphasis of the traditional system of higher education, changing role and effects of religion, global gamification of the society, consumer behavior as a way of denoting one's social status, massification and mediatisation of the individual and its daily practices, popularization and legitimation of the inner child concept among the adults. The authors reveal the differences between kidulting and social infantilism. The research describes the main characteristics of the kidult's psychosociotype. They include the reduced level of responsibility for life decisions; difficulties in making choices in the system of values and determining the priorities for one's life activities; low reflection of social reality; special identification process based on identifying and associating oneself with younger age groups; life-through-game principle as one of the leading mechanisms of socialization. In addition, the paper highlights the social risks of kidulting.

Keywords:

kidulting, infantilism, juvenilization, gamification, puerilism, massification, mediatisation.

Нынешняя реальность, как отмечает З. Бауман, характеризуется так называемым «плавлением» считавшихся ранее фундаментальными традиционных форм: социальных институтов, конфигураций, паттернов и т. п. И поскольку «не хватает именно таких паттернов, кодексов и правил, которым можно подчиняться, которые можно выбрать в качестве устойчивых ориентиров и которыми впоследствии можно руководствоваться» [1, с. 13], современное общество сталкивается с невиданной свободой личностного самоопределения и построения собственной идентичности. Однако человек постмодерна получает возможность не только выбирать свое будущее, но и консервироваться в уютном и удобном прошлом ввиду отсутствия у него потребности в прямых контактах с миром и необходимости решения вследствие этого возникающих проблем. Возрастает число так называемых «вечных мальчиков» и «вечных девочек», или, оперируя современной терминологией, кидалтов – мужчин и женщин в фазе средней зрелости, которые сохраняют свои детские или юношеские личностные черты и увлечения.

Понятие кидалтинга впервые было использовано в 1985 г. в газете The New York Times для обозначения людей в возрасте около 30 лет, увлекающихся новинками в мире технологии, мультфильмами, комиксами и т. д., т. е. тем, что традиционно составляет круг увлечений представителей более ранних возрастов. Кидалты, согласно автору статьи, – это, «как правило, представители среднего класса, преимущественно офисные работники, со средним или высоким уровнем IQ, холостые» [2]. В психологии для обозначения подобных индивидов существует иной термин – *puer aeternus*, «вечный ребенок». Согласно М.-Л. фон Франц, мужчина-пуэр «слишком

долго сохраняет подростковую психологию. Другими словами, те черты характера, которые обычно встречаются у 17–18-летних юношей, наблюдаются и у взрослого пугза» [3, с. 7–8]. Такие люди также могут обнаруживать несколько высокомерное отношение в адрес других людей, что обусловливается определенным чувством собственной неполноценности, тягу к экстремальным видам спорта и несколько иллюзорное отношение к собственной жизни и будущему, которое реализуется посредством установки «мое время еще не пришло». Вместе с тем они легко идут на контакт с другими; «многим из них присуще очарование молодости и волнующая притягательность, действующая на людей подобно глотку шампанского» [4].

Тем не менее необходимо подчеркнуть, что, в отличие от инфантилизма, кидалтинг представляет собой не отклоняющееся поведение, но, скорее, стиль жизни, идеологию, добровольно выбираемую человеком. По мнению В.А. Хриптовича, крайне сложно с первого взгляда понять, что человек является кидалтом. Для многих подобных индивидов юношеские и детские увлечения являются своего рода психологической разрядкой. Одновременно с этим человек может вполне адекватно реализовывать роль взрослого и принимать на себя всю сопутствующую ответственность. Как пишет автор, до тех пор «пока он не тратит последние деньги на фигурку Железного Человека вместо того, чтобы заплатить за квартиру, беспокоиться не о чем» [5, с. 209].

Впрочем, среди кидалтов есть и такие, которые предпочитают жить сегодняшним днем, менять работу и увлечения в погоне за новыми, острыми ощущениями и не связывать себя никакими обязательствами, в том числе по недвижимости. Несмотря на отсутствие острого желания в приобретении собственного жилья, в качестве одной из значимых для кидалта ценностей стоит назвать наличие индивидуальной территории и личного пространства. По словам М.А. Манокина, кидалт, ввиду ощущения тревоги при столкновении с внешним миром, нуждается в собственном убежище, месте, где он может оставаться собой, не будучи осужденным обществом. Именно поэтому «новые взрослые» стремятся после какого-то времени вернуться в отчий дом не потому, что родителям нужна помощь, но, скорее, потому, что семья представляет собой безопасную в эмоциональном плане нишу. «Постепенное вымывание ориентиров взрослой идентичности разочаровывает молодых в их стремлении перейти на следующую жизненную ступень» [6].

Однако роль подобной «крепости» необязательно играет родительский дом или собственная квартира: эту функцию может исполнять клуб по интересам или дом друга. Наличие и отстаивание суверенности территории позволяет кидалту реализовывать еще одну важную ценность – ценность свободы и индивидуализма, которая «заключается также в защите собственного статуса и наименования» и «проявляется в негативных или ироничных реакциях на оценку своих действий» [7].

При этом необходимо отметить, что распространение кидалтинга также обусловлено образами, активно насаждаемыми со стороны массмедиа. Как пишет Дж. Бернардини [8], современные взрослые выбирают путь так называемой осознанной незрелости, т. е. осознанного ухода от полагающейся ответственности, анахронической модели жизни. Взрослость как категория превращается из модели поведения в недостижимый идеал, а новые поведенческие паттерны не только поддерживаются «взрослыми детьми», но и принимаются социальными институтами. Феномен ювенилизации прослеживается в нарастающей популярности мультипликационных фильмов и книг, изначально ориентированных на детскую и подростковую аудиторию (например, серия книг о Гарри Поттере, «Сумерки», сага «Властелин колец»), в увеличивающемся сбыте омолаживающей косметики, росте популярности процедур ботокс-инъекций и т. п.

Кидалт-потребитель встраивается в новую систему взаимоотношений с людьми и продуктами потребления. По мнению Дж. Бернардини, такой человек имеет тенденцию одеваться неформально, работать без дисциплины, заниматься любовью без цели к продолжению рода, покупать что-либо без определенной цели, жить без ответственности, мудрости или скромности. Современное общество дает человеку небывалую свободу выбора в определении собственной идентичности, однако при этом обременяет индивида идеей о том, что только он ответственен за ход своей собственной жизни. Такая свобода означает, что рано или поздно человеку придется отчитываться перед самим собой и обществом в своих успехах и выполненных делах. Это приводит к возрастающей тревоге, что, в свою очередь, толкает человека на «психологический побег» в юношество и детство, поскольку эти категории обладают более широким спектром возможностей самореализации, но в то же время не осложнены большой ответственностью.

Канадский социолог Дж. Коте подчеркивает, что грань между категориями взрослости и юношества в современном мире размыта, и проблемы, с которыми сталкивается современный взрослый человек, коренятся в отсутствии внешних направляющих, ранее способствовавших более четкому переходу из состояния юности в состояние взрослости. В связи с индустриализацией и индивидуализацией, размытыми критериями, по которым могла бы определяться степень взрослости индивида, социально зрелые личности не видят культурных паттернов, ограничивающих их выбор и управляющих их жизнями.

Социальные институты, равно как и общественные взаимоотношения, включая гендерные установки, межпоколенческие и межэтнические связи, подверглись значительной перестройке. К тому же семья и религия потеряли ту значимость в определении жизненного пути и поведения индивида, какую имели еще в начале прошлого столетия. Сегодня взрослый сталкивается с необходимостью принимать жизненно важные решения без какой-либо опоры и безотносительно к наличию или отсутствию внутренних ресурсов и возможностей для этого, что превращает современное поколение в поколение «растянутой юности» или «поколение, стоящее на паузе». Все это вкупе с отсутствием каких-либо ориентиров побуждает индивида к продлению собственной юности, увеличению периода невхождения в экономические или семейные связи и отрицанию взросления как такового, что определяется Дж. Коте как *arrested adulthood* – «скованная зрелость» [9].

Рассмотрим факторы формирования кидалтинга как социального явления. Первый фактор – трансформация института семьи. По словам В.П. Борисенкова и О.В. Гукаленко, сегодня семья «значительно отличается от традиционной семьи своей структурой: возросло число неполных семей, сократилось количество многопоколенных семей, увеличилась доля однопотенных семей» [10]. К тому же семья ввиду достаточно резкой смены моральных установок и ценностей, а также «утраты исторического самосознания, патриотизма, ...смены духовных и нравственных интересов на материальные» [11] потеряла ведущую роль в процессе социализации. В результате этот социальный институт постепенно утрачивает регулятивные функции, а современные взрослые не спешат с узакониванием отношений и (или) не планируют детей, не желая брать на себя ответственность за свою семью.

Изменение роли и влияния религии в современном обществе также следует выделить как одну из причин развития феномена кидалтинга. По словам М.Х. Хаджарова, «глобализация по западным стандартам приводит к постепенному ослабеванию прежде прочных традиций жизни православных христиан и мусульман» [12, с. 146], поскольку в настоящее время довольно жесткие религиозные традиционные ценности вынуждены уживаться с более свободной организацией общества, которому сложно представить строгое подчинение ранее непререкаемым догматам.

Еще один фактор – снижение значимости традиционной системы высшего образования, одной из причин которого выступает процесс информатизации, позволяющий получить образование (новую профессию), не выходя из дома, с помощью онлайн-курсов, e-learning, системы открытого образования. Как отмечает А.М. Новиков, «образование просто не справилось с постоянно нарастающим потоком информации, оно лишилось базы в виде универсальной философии, позволяющей гармонизировать специализированные науки» [13, с. 116]. Человек все менее нуждается в авторитете, проводнике в мире информации и потому предпочитает учиться вне нормативной системы образования.

Следующий фактор – глобальная геймификация общества. Игра приобретает все новые функции в современном мире. Посредством игровой деятельности человек может получить новые знания, завести новые знакомства, развить социальные навыки, получить эмоциональную разрядку, чтобы впоследствии перенести достигнутые результаты в жизнь.

Однако у вышерассмотренного процесса есть и обратная сторона. Социокультурные реалии современности, по мнению С.А. Соломатина, ввиду игрового характера постмодернизма, где развлечение возведено массовой культурой в самоцель, «требуют их рассмотрения через призму игровой концепции культуры» [14, с. 66] и вновь задаться вопросом о соотношении игры и серьезности в современном обществе. Пресыщение игрой как таковой, а также активное развитие новых технологий превратили общество постмодерна в избалованного ребенка.

Согласно представлениям Й. Хейзинги, игра – неотъемлемый элемент развития человеческой цивилизации в целом, поскольку «живое существо, играя, следует врожденному инстинкту подражания. Или удовлетворяет потребность в разрядке. Или нуждается в упражнениях на пороге серьезной деятельности, которой потребует от него жизнь» [15, с. 21]. Игровой элемент проявляется практически во всех сферах человеческой деятельности: в культуре, спорте, общении. Однако необходимо помнить, что игра, в отличие от реальности, обособляется от внешнего мира тремя критериями: местом («протекает в заранее обозначенном игровом пространстве, материальном или мыслимом, преднамеренном или само собой разумеющемся»), временной протяженностью, замкнутостью, т. е. «ее течение и смысл заключены в ней самой» [16, с. 28]. В месте, где совершается игра, действуют свои особые правила, таким образом, получается, что игра сама устанавливает порядок, «она сама есть порядок» [17]. Такое свойство игры упорядочивать несуществующую реальность ведет к тому, что современные взрослые видят в игре более надежную опору, чем в иных, стремительно меняющихся социальных институтах. Они доверяются правилам игры, в которую превращают всю свою жизнь, попутно придумывая их и самоактуализируясь посредством такой деятельности. Игра выступает гарантом устойчивости, поскольку она будет всегда и именно она вызывает в людях больше доверия.

Абсолютизация роли развлечений приводит к пуэрилизму – патологической ребячливости общества, «состоянию духа, свойственному подростку, не обузданному воспитанием, привычными формами и традицией» [18, с. 194], проявляющемуся в двух тенденциях. «С одной стороны, происходит инфантилизация взрослых; с другой – на фоне утраты ценностей и лишившихся доверия авторитетов четко обозначается ориентированность общества на молодое поколение, более того, своего рода заискивание перед ним» [19, с. 67].

Описанное перекликается со следующим фактором – популяризацией и легитимацией идеи внутреннего ребенка среди взрослых, а также социальными проектами, направленными на защиту и поддержку детства. Современное общество стирает границы и уже не предполагает такого жесткого категориального разделения понятий «детство» и «взрослость», в результате чего можно уже говорить либо о «взрослом детстве», либо о «раннем взрослении».

Потребительское поведение как способ обозначения своего социального статуса можно определить как следующий фактор кидалтинга. Кидалты, как правило, экономически независимы, их доход позволяет обеспечивать себя и удовлетворять свои досуговые потребности, связанные с потреблением детских продуктов: покупкой видеоигр, мультипликационных фильмов, аниме, манги, комиксов и игрушек. Подобную ювенилизацию общества можно рассматривать с позиции символического потребления, и тогда потребительское поведение кидалта становится не просто случайным удовлетворением возникших потребностей, но попыткой обозначить свой статус и свою принадлежность к группе, «кроме того, потребляемые предметы могут быть средством конкуренции между ювенилизированными индивидами» [20, с. 79].

Массовое производство подхватывает идею популяризации юности и молодости и формирует новые образы, привлекательные для взрослых людей во всех аспектах: манере поведения, манере одеваться, общем телесном облике. Медиакоммуникации, и в частности реклама, развивают так называемую форму коллективной регрессии, которая обозначает необходимость сиюминутного удовлетворения возникающих потребностей и призывает людей брать от жизни, или, скорее, общества потребления, все, что они обещают дать. Таким образом, юность из возрастной категории превращается в объект, который всегда можно приобрести [21].

Эту же идею подчеркивает А.Р. Кожаринова, обозначая в качестве идеологической функции масскульта способность к созданию новых образцов поведения и постепенному вытеснению традиционных практик с помощью активного насаждения извне [22]. «Массовая культура является своеобразной сублимацией желаний, инстинктов, стремлений. ...Индивид как бы перемещается в мир, предложенный ему массовым проектом, и лишь здесь он чувствует себя комфортно и безопасно, действительность же начинает восприниматься по законам массового зрелища» [23]. Таким образом, можно сказать, что происходят определенная массовизация и вместе с тем медиатизация не только самого индивида, но и его повседневных практик.

Помимо этого, медиапространство определенным образом опосредует процесс коммуникации между людьми. Происходит смещение акцента с реального, живого общения на виртуальное, лишаящее агентов коммуникации необходимости реагировать здесь и сейчас, дающее человеку возможность сконструировать виртуальный образ-посредник, который будет служить своеобразным щитом.

Итак, новый социальный феномен – кидалтинг – отличается от социального инфантилизма тем, что кидалты самостоятельно избирают следование поведенческим паттернам предыдущих возрастных периодов (юности и ранней зрелости) в качестве механизма социализации, новых социальных практик. Они не выключены из общественной жизни, однако отличаются иным, в силу собственной специфики и специфики изменившегося мира, способом актуализации личностных подструктур. Современная среда формирует новый психосоциотип, имеющий следующие характерные черты.

– Кидалты испытывают трудности в осуществлении жизнедеятельности внутри традиционных социальных институтов: семья предстает как нечто мешающее мобильности и гибкости, обременяющее ненужной ответственностью, религия также утрачивает значимость и фундаментальность, работа перестает быть ведущим видом деятельности. В итоге ранее действовавшие в обществе механизмы социализации оказываются неприменимы к кидалтам, невостребованны, не являются для них актуальными, жизнеспособными.

– Одним из ведущих механизмов социализации становится механизм «жизнь через игру».

– Процесс идентификации кидалтов происходит на основе отождествления себя с более молодыми возрастными группами и ассоциирования себя с ними с использованием практик самопрезентации и организации жизненного мира, характерных для этих возрастных групп.

– Постоянное пребывание в фантомном мире, позволяющее игнорировать существующие в реальности правила и нормы, нарушает формирование четких представлений об объективных причинно-следственных связях в социуме и о себе в социуме.

– Замыкаясь на себе самом, кидалт имеет низкую рефлексивность социальной реальности, своих поступков, не стремится завязывать прочные и доверительные отношения с другими людьми.

– Кидалт испытывает сложности в осуществлении выбора в системе ценностей, в определении приоритетов собственной жизнедеятельности.

– У кидалта сниженный уровень ответственности за принимаемые жизненные решения.

Социальными рисками такого социального феномена, как кидалтинг, можно назвать ювенилизацию общества, размывание границ между социальными группами юности и взрослости; возникновение довольно обширной прослойки людей, не желающих брать на себя ответственность, традиционно возлагаемую на граждан социальными институтами и обществом, что ведет к определенной стагнации в развитии социума; появление так называемого «ценностного зазора» ввиду неприятия кидалтами традиционных норм и ценностей взрослого человека и неспособностью предложить иные векторы и ориентиры развития.

Ссылки:

1. Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008. 240 с.
2. Хриптович В.А. Поколение инфантильных: обзор проблемы // Научные труды Республиканского института высшей школы. Минск, 2015. С. 206–213.
3. Франц М.-Л. Вечный юноша. Puer aeternus. М., 2009. 384 с.
4. Там же.
5. Хриптович В.А. Указ. соч. С. 209.
6. Ярская-Смирнова Е.Р., Карпова Г.Г., Ворона М.А. «Веселые, непонимающие и бессердечные?» О феномене Питера Пэна [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2008. № 6 (62). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/6/ia14-pr.html> (дата обращения: 06.12.2018).
7. Манокин М.А. Ценности городской культуры «возвратившихся в детство» // Вестник Пермского государственного института искусства и культуры. 2012. № 13–14. С. 69–76.
8. Bernardini J. The Role of Marketing in the Infantilization of the Postmodern Adult [Электронный ресурс] // Fast Capitalism. 2013. URL: https://www.uta.edu/huma/agger/fastcapitalism/10_1/bernardini10_1.html (дата обращения: 06.12.2018).
9. Côté J.E. Arrested Adulthood: The Changing Nature of Maturity and Identity. N. Y., 2000. P. 30–35.
10. Борисенков В.П., Гукаленко О.В. Институт семьи и семейная политика в современной России: проблемы, тенденции и перспективы [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. № 5 (24). URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/130PVN514.pdf> (дата обращения: 06.12.2018).
11. Там же.
12. Хаджаров М.Х. Социология конфессионально-культурных отношений: толерантность как основа диалога религиозных сознаний // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 7 (126). С. 144–151.
13. Новиков А.М. Постиндустриальное общество – общество знаний // Высшее образование в России. 2008. № 3. С. 108–118.
14. Соломатин С.А. Игра и серьезность: к проблеме пуэрилизма современной культуры // Гуманитарные ведомости Томского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. 2012. № 2. С. 66–69.
15. Хейзинга Й. Homo ludens. Статьи по истории культуры. М., 1997. 416 с.
16. Там же. С. 28.
17. Там же.
18. Там же. С. 194.
19. Соломатин С.А. Указ. соч.
20. Манокин М.А. Ювенилизация современного общества: культурологические аспекты // Общество. Среда. Развитие. Terra Humana. 2012. № 3 (24). С. 77–81.
21. Bernardini J. Op. cit.
22. Кожаринова А.Р. Анализ социального потенциала современной массовой культуры [Электронный ресурс] // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2014. № 10. С. 31–43. URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/nauch_trudy/2014/Scholarly-works-10-2014.pdf#page=31 (дата обращения: 06.12.2018).
23. Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. Изд. стер. М., 2016. 352 с.